

Воскресенье, 11-го января 1904 года.

Сибирякъ въ характеристикѣ Н. М. Ядринцева.

(Изъ неизданной рукописи покойнаго публициста).

Сибирякъ въ своихъ обычаяхъ и обстановкѣ усвоилъ особый образъ жизни, который отличаетъ его отъ великоросса. Посѣщающіе Сибирь русскіе люди не стали находить въ Сибири ничего „русскаго“ (т. е. древне-русскаго историческаго, традиціоннаго), а сибиряки пріучились звать себя „сибиряками“ въ отличіе отъ „росейскихъ“, не столько отмѣчая свою обособленность и иноплемённость—объ этомъ рѣчи не могло быть—сколько особый складъ жизни.

Приволье, жизнь въ лѣсахъ и скитанье въ дикой странѣ, борьба съ природой придали осо-

сибиряку такихъ свойствъ, которыя даютъ ему иногда преимущество передъ великороссами, держащимися старинна.

Что придаетъ однако консервативныя и неподвижныя свойства сибирскому характеру, дѣлаетъ его отсталымъ—это узость кругозора и привычка жить только настоящимъ, не думая о будущемъ, не созная историческаго будущаго своей страны. Эта черта печальная, но она обусловлена была темнотою, тяжелыми условіями опеки, невѣжествомъ и отсутствіемъ сношеній съ просвѣщеннымъ міромъ, проникнутымъ идеей историческаго существованія. Этотъ важный недостатокъ долженъ однако исчезнуть съ просвѣщеніемъ, и тогда при нормальныхъ условіяхъ развитія сибирякъ можетъ обнаружить, благодаря своей настойчивости и энергіи, такое стремленіе къ осуществленію своего лучшаго

развитія кустиками голубики (*Vaccinium uliginosum*), полярной березкой и низкими тальниками, голубая и бѣлая генціаны, альпійская фіалка, бѣлая дріада (*Dryas octopetala*) и др. альпійцы предпочитаютъ щебнистыя мѣста.

Полтора часа подъема вдоль коруника, и вы достигаете седловины у подножія западнаго столба Иргаковъ, гдѣ нужно оставить лошадей и продолжать подъемъ пѣшкомъ.

Здѣсь прекращаются глинистыя сланцы и начинается крупно-зернистый розовый гранитъ. Изъ него сложена пирамида Иргаковъ, возвышавшаяся между двумя истоками Буйбы. Ея западный склонъ представляетъ крутую покатость, а восточная сторона обрывается вертикальной стѣной больше сотни саженъ въ соседнюю долину. Съ края верхняго гребня вершины высунулись въ воздухъ громадный разрушаю-

Рис. 5.—На вершинѣ Иргаковъ.

Рис. 6.—Рѣка Казыручукъ.

бую мощь, выносливость и энергію этому населенію. Борьба за существованіе развила въ немъ находчивость, изобрѣтательность, сметку, „сибирскую хитрость“. (Этнографы называютъ это качествомъ смѣшанностью). Это способствуетъ его нѣсколько высокому отношенію къ другимъ областникамъ.

Въ сибирскомъ населеніи, предоставленномъ самому себѣ, долго отчужденному, не встрѣвавшему помощи, не выработалось увѣренности въ чужую душу. Сибирякъ вѣритъ только въ себя, въ свои силы, онъ индивидуалистъ, но тѣмъ же менѣе въ этомъ сказывается характеръ и способность къ самопомощи. Онъ вѣритъ только своимъ силамъ, своему уму и на чужую помощь не надѣется. Въ немъ не развилось мягкости, сантиментальности, нѣтъ изнѣженности, влности и рыхлости, а есть нѣчто стойкое, желѣзное въ натурѣ.—Сибирякъ въ новой жизни привыкъ жить текущей жизнью и практическими интересами. Онъ не способенъ увлекаться и заноситься въ область мечтаній, его поглащаетъ насущная цѣль, и онъ руководится только вѣрными расчетомъ; это придадо особенно логическій и практический складъ его уму. Сибирякъ не податливъ, скептиченъ съ перваго раза, пока самъ не продумаетъ и убѣдится въ выгоду чего-либо. Зато, созная извѣстныя удобства и выгоды, никто такъ не увлечется „новшествомъ“, такъ не усваиваетъ новое и всякое культурное преимущество, какъ онъ. Этимъ объясняется то, что сибиряки быстрее русскихъ крестьянъ усваиваютъ моду, обстановку культурныхъ классовъ, вѣншее улучшение жизни, комфортъ, щегольство, а образованные классы изъ сибиряковъ быстро примакаютъ къ цивилизаціи и становятся прозелитами и даже фанатиками передовыхъ идей. Все это служитъ руководящимъ способностямъ къ прогрессу. При такихъ данныхъ нельзя отрицать въ характерѣ

будущаго, которое оставитъ за собою другихъ собратьевъ съ менѣ развитыми силами и болѣе связанными историческими предразсудками.

Въ Усинскій край.

2. Черезъ Саяны.

(Продолженіе.—см. вправо, прилож. къ № 8).

Семень, хорошо знающій всѣ тропы, можетъ проводить и къ вершинамъ Иргани. Чтобы попасть туда, нужно прежде всего подняться въ восточномъ направленіи отъ озера болотистымъ склономъ на перевалъ, достигающій 1550 метровъ абсолют. высоты, и спуститься въ правый истокъ Буйбы (притоку р. Усь). Уже съ перевала передъ вами открывается видъ на скалистые утесы вершинъ; къ сожалѣнію они часто бывають задернуты облаками. При спускѣ по широкой долинкѣ Буйбы слѣдуетъ обратить вниманіе на поперечный валъ, перегораживающій долину поперекъ. Онъ поросъ лѣсомъ кедровъ и затянута мхамъ, но въ немъ легко узнать конечную жорену исчезающаго ледника. Этотъ валъ лежитъ приблизительно на той же высотѣ, что и морена, запруживающая Ойское озеро; это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ ледниковаго происхожденіе вала.

Въ 1½ часахъ ѣзды отъ озера вы подходите къ сѣвнью праваго истока Буйбы съ лѣвмы и начинаете подниматься вторымъ по сочмымъ лугамъ среди группъ кедровъ и развѣсистыхъ кургннхъ ольхи, которая здѣсь выходитъ къ самой границѣ лѣса. Выше поднимается не особенно крутой склонъ, занятый альпійской тундрой, пересѣкаемой полосами коруника. Монотонный коверъ мховъ и лишайниковъ разнооб-

щіяся гранитныя глыбы. Жутко становится на нихъ при сознаніи, что внизу открывается пропасть! (рис. 5). Когда мы карабкались все выше по скользкимъ утесамъ, вершину все плотнѣе укутывали облака, черезъ которыя едва оначались ближайшіе контуры; соседнія вершины и даль совершенно пропали за молочной стѣной. Лишь когда порывами вѣтра на моментъ разрывалась облачная пелена, подъ ногами видно было по обѣ стороны вершины по маленькому озеру, изъ которыхъ вытекаютъ оба истока Нижней Буйбы; потомъ все опять затягивалось облаками *). Вершина имѣетъ около 2000 метровъ абсолютной высоты; и здѣсь Саяны не достигаютъ сибѣйской зоны **), но характеръ верхнихъ долинъ Буйбы ясно говорить, что въ промедіемъ здѣсь были и вѣчные снѣга, и ледники.

Въ трехчасовой переѣздъ вы возвращаетесь къ вашему стану на Ойскомъ озерѣ. Можно было бы спуститься долиной Буйбы на Усь и долиной послѣдняго пройти въ Усинское, но эта дорога и много труднѣй, и менѣе интересна.

Чтобы вновь выйти на торную Усинскую тропу, нужно отъ Ойскаго озера спуститься долиной Большой Ои верстъ 20 и при этомъ отчасти повторить старую дорогу (до Казаыюкю клача). По мѣрѣ спуска рѣка замѣтно обогащается водой, а тайга гуще надвигается со стороны склоновъ на едва замѣтную тропинку, которая по временамъ и совсѣмъ теряется въ заросли высокихъ травъ.

Достигнувъ тропы и повернувъ на югъ, вы поднимаетесь на третій хребетъ (считая отъ Кебеша) и скоро выходите на перевалъ, на вер-

*) По той же причинѣ и не могу точно опредѣлить, на какой изъ вершинъ Иргаковъ я былъ.

***) Какъ извѣстно, вѣчный снѣгъ и даже маленький ледникъ видѣется на вершинѣ Мунку-Сардыкы въ восточныхъ Саянахъ, ближе къ Иркутску.

шиль которого возлз скалы глинистаго слоя стоит столб съ надписью "Усинскій округъ". Это приблизительно половина пути между Григорьевой и селеніемъ Усинскимъ. Спускъ въ густомъ лѣсу приводитъ въ долину праваго значительнаго притока Енисея—Казырсука, получающаго минувшимъ лѣтомъ печальную известность вслѣдствіе гибели на немъ полковника Верещагина. Русло рѣчки, покрытое громадными окатанными глыбами, достигаетъ 10-20 саженъ ширины; потокъ синеватой прозрачной воды грохочетъ на камняхъ и всплываетъ бѣлками (рис. 6). Брода очень трудныя, и здѣсь весьма выручаетъ мостъ, перекинутый въ узкомъ мѣстѣ потока недалеко отъ шестой избушки*). Тайга въ этой части Саянъ достигаетъ особенной густоты; кедръ, пихта и ели выходятъ къ тропѣ сплошной темнозеленой стѣной, кое-гдѣ разрываемой пожарами; полъ затанутъ бархатистымъ бѣлымъ и синеватымъ ковромъ лишайниковъ, черезъ который прокалываются кустики брусники и черники (рис. 7).

Отъ Ойскаго озера до Казырсука—хорошій дневной переходъ.

Изъ долины Казырсука все той же горной тайгой въ теченіе дня легко достигнуть четвертой и самой значительной складки Саянъ—Араданскаго хребта. По пути есть два небольшихъ перевала, первый изъ Казырсука въ Каменный ключъ и второй—отсюда въ рѣчку Араданъ. Поднимаясь верхней долиной послѣдней, вы уже изъ-за верхушекъ высокихъ кедровъ видите скалистую обнаженную вершину Араданскаго хребта. Кедровый лѣсъ, гдѣ на камняхъ и колодахъ посвистываетъ альпійскій звѣрець съюставка (*Lagomys alpinus*) начинаетъ рѣдѣть, давая мѣсто широкимъ полянамъ субальпійскаго характера. Обильнѣе разрастаются кусты "маральника" съ фиолетово-лиловыми цвѣтами (*Rhododendron dauricum*) и еще болѣе

крестовники, альпійскій макъ; тамъ и сямъ краснѣютъ матишки (*Pedicularis verticillata*) и бахромотчатая гвоздика (*Dianthus superbus*); на щебнистыхъ склонахъ генианы съ бѣлыми и синими бокалами и бѣлая драма; изъ трещинъ скалы свѣшиваются блѣдно-лиловые цвѣты *Isopyrum grandiflorum*. Однимъ словомъ альпійское население Саянъ весьма напоминаетъ Алтай,—и хотя бѣднѣй его по количеству растительныхъ формъ, но всетаки плѣняетъ взоръ богатствомъ, и разнообразіемъ красокъ. Сюда на высоты между прочимъ не заходитъ эдельвейсъ (*Leontopodium alpinum*), столь распространенный у эдельвейсовъ Алтая; здѣсь онъ дѣлается степнякомъ (см. выше).

Черезъ два часа нетерпимый подъемъ конной, барометръ показываетъ около 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Прямо къ сѣверу рядомъ съ этой вершиной поднимается вторая гѣсколка

Рис. 7.—Тайга по Казырсуку.

красивый приземистый кустарникъ "кашкара" (*Rhododendron chrysanthum*), на которомъ въ началѣ лѣта среди блестящихъ кожистыхъ листьевъ появляются золотистожелтые колокольцы. Кашкара—это лучшей красавецъ Саянъ. Но кедръ, уже сильно науродованный, все еще тянется вверхъ одиночными экземплярами среди свалившихся деревьевъ, которая не выдержали борьбы съ зимними стужами и вѣтрами и медленно истѣвываютъ у подножія болѣе сильныхъ счастливцевъ. Наконецъ, и послѣдніе остаются позади внизу, а вы кругомъ поднимаетесь на сѣдловину между двумя вершинами хребта, находящуюся на высотѣ 1600 метровъ надъ ур. моря (рис. 8).

По другую сторону перевала въ 4 верстахъ отъ него находится седьмая избушка; туда можно отпустить караванъ, а самому подняться пѣшкомъ на восточную болѣе высокую вершину, чтобы собрать альпійскую флору. Вершина пока къ югу и здѣсь покрыта крупной россыпью, почти лишеной растительности; сѣверная сторона почти отѣсно обрывается къ истоку р. Арадана, гдѣ въ глубокой котловинѣ, обставленной съ трехъ сторонъ гигантскими утесами, пріютилось небольшое озеро. По самому краю обрыва поднимается среди россыпи едва приметная тропка; по ней объѣзжаютъ сѣдловину весной, когда послѣдняя завалена еще зимнимъ снѣгомъ. Пользуясь этой тропкой, вы можете миновать россыпь, а выше уже идти цѣлкомъ по кругому альпійскому лугу. Появляется разнообразное и цвѣтисное население, одвѣющее каменную почву. Пышно развѣвились голубые крылатые цвѣты водосбора (*Aguileia glandulosa*); съ ними спорятъ въ окраскѣ лиловая фиалка (*Viola altaica*), синія астры (*Aster alpinus*) и звѣголовки (*Dracoscephalum altaense*), и крупный колокольчикъ (*Campanula pilosa*), золотомъ отливають желтыя ястребинки (*Strepis chrysantha*),

Рис. 8.—На Араданскомъ перевалѣ.

выше; она находится за истоками Каменнаго ключа. Направо подъ ногами едва замѣтными струйками среди ярко-зеленаго ковра, затанувшаго дно долины, начинается Тенселя, потомъ превращаясь въ значительную горную рѣчку. Къ западу между темными долинами рѣкъ протянулись синіе лѣсные хребты, терпящіеся въ туманной дымкѣ дали. Они доходятъ до самаго Енисея и переходятъ на другую сторону этой мощной рѣки. Нигдѣ не видно снѣжныхъ вершинъ, серебрившихся на солнцѣ, которыми такъ щеголетъ высочій Алтай, превосходящій Саяны по высотѣ почти вдвое, но и здѣсь вы чувствуете мощь и красоту горной природы, которая является колеблюсь крупныхъ данниковъ Енисея. И здѣсь вѣсь охватываетъ та же ничѣмъ не нарушаемая торжественная тишина, когда, кажется, лучи заходящаго солнца начинаютъ звучать на пестрыхъ перевалахъ альпійскаго луга.

Спуститесь въ долину Тенселя можно, или широкой гривой, или узкой долиной въ истокахъ рѣки. Послѣдній путь гораздо труднѣе, но здѣсь можно видѣть, какъ незамѣтно рождается и постепенно вырастаетъ горная рѣка.

Сначала среди высокой травы, тучно разросшейся на почвѣ, напитанной водой, какъ губка, видѣются небольшіе бочаги съ прозрачной водой. Ихъ соединяютъ между собой ничтожные ручейки, теряющіеся въ зелени. Немного ниже съ возрастаніемъ уклона ручьи усиливаются и начинаютъ не слыо журчать, переливаясь изъ одного бочага въ другой. Здѣсь вы опять возвращаетесь въ миръ звуковъ! Русло формируется въ видѣ болѣе замѣтнаго углубленія порой съ обнаженными и отполированными водой скалами; появляются маленькіе перепады на скалистыхъ ступеняхъ, и шумъ дѣлается рѣшительнѣе. По берегамъ появляются кустарники, а потомъ и группы косящихся кедровъ. На лѣвѣ версты ниже сѣва пришла вторая такая же едва родившаяся рѣчка, и работая совместно онѣ глубоко врылись въ дно узкой долины, заросшей густымъ лѣсомъ. Еще какихъ нибудь двѣ версты, и рѣка уже всплываетъ бѣлками на окатанныхъ камняхъ или дробится въ пѣну на высокихъ водопадахъ, выростая съ каждымъ шагомъ впередъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ.

Идти возможно только по лѣвому менѣе лѣсному склону, гдѣ вы находите довольно высоко надъ рѣкой едва замѣтную промысловую тропинку, теряющуюся на сочныхъ зарослахъ мха; но и здѣсь скоро сдувается лѣсъ, заваленный колодиномъ и заросшіи кустарниками, черезъ которые приходится пробираться пугинку. Особенно не хорошо, если въ этой трупцѣ захватитъ ночь и придется идти наудачу, постоянно теряя тропу, но тѣмъ пріятнѣе увидѣть огонь у избушки въ расширеніи долины Тенселя.

Отъ вершины Тенселя подъ Араданскимъ хребтомъ—хорошій день пути до Усинскаго. Здѣсь тропа дѣлается сухой и болота почти не попадаютъ, за то изъ густого лѣса тропа скоро выходитъ въ сплошныя гари, которыя тянутся по долинѣ

Тенселя вереть на десять и представляютъ свои неудобства. По долинѣ и довольно крутымъ склонамъ предъ вами тинется безбожечная шетина голыхъ стволовъ, между которыми зелѣнѣютъ кустарники и кое-гдѣ поднимаются молодая деревца 12—13 лѣтняго возраста. Отъ сильнаго вѣтра подгнившие у основанія стволы заваливаются во всѣхъ направленіяхъ и часто перерокаиваютъ тропу; тутъ приходится дѣлать объѣзды, стаскивать деревья въ сторону или особовждать запутавшихся въ нихъ вьючныхъ лошадей. Во время самаго вѣтра здѣсь ѣхать, конечно, небезопасно.

Пройдя часа два долиной Тенселя, отворачиваютъ въ его лѣвый притокъ—Погаанный ключъ, гдѣ гарь опять замѣняется живымъ лѣсомъ, и тутъ вы видите первыя лиственницы, характеризующія болѣе сухую почву. Поднявшись на послѣдній перевалъ, совпадающій съ границей лѣса, или нѣскольکو ниже ея, тропа спускается въ рѣчку *Мирскую*, уже впадающую въ Усь. Густыя лѣсныя заросли и здѣсь надолго смѣняются болѣе свѣжей гарью, гдѣ почти не видно даже кустарниковъ, а полъ занятъ однообразнымъ и рѣдкимъ покровомъ злаковъ. Пожаръ былъ года 4 тому назадъ, и что особенно интересно, что погорѣло весьма огнеупорное дерево—лиственница; это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что насажденіе было смѣшанное изъ лиственницы, ели и сосны и при томъ довольно густое. Ель и сосна, легко поддающіяся пламени, поддерживали и горнѣе лиственницы. Именно такое насажденіе, но не тронутое огнемъ, въ прѣзжакте въ нижней части долины Мирской. Не смотря на лѣсный характеръ мѣстности, начинаетъ сказываться близость степной долины Уса; на полянкахъ появляются сухія степныя травы и влѣтъ съ ними начинается трескотня кузнечиковъ и кобылки. Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ, по сторонамъ дороги видно больше пней, на тропѣ появилась слабо обозначенная колесная колея; вообще человѣкъ

*) Пятая въ долинѣ Б. Онъ; мы на нее не попали.

близко! Оставляя последние листовницы, вы выжжете в степную долину Уса, раскинувшуюся верста на 12 в ширину. Вдоль берега Мирской рѣчки протянулся маральник, за ним мельница; направо осталось селение Нижне-Усинское, а торная пылящая дорога по широкому займищу, поросшему тальниками, ведет к берегу быстрого прозрачного Уса. Небольшой паром—самолет, дѣйствующий напоромъ воды, переноситъ васъ надъбѣлымъ берегомъ; еще подчасъ, и вы въѣзжаете въ широкую улицу селения *Верхне-Усинскаго*.

В. Сапожниковъ.

(Окончание слѣдуетъ)

Игнатій Цезикъ.

Сибирь—эта страна смычки—поглотила очень много выдающихся талантовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ условий направленныхъ не въ надлежащую сторону. Яркимъ примѣромъ подобнаго таланта, имѣвшаго всѣ задатки сдѣлаться знаменитымъ, былъ знаменитый по всей Сибири граверъ и ваятель Игнатій Цезикъ.

Польскій дворянинъ, уроженецъ окрестностей Слуцка, Цезикъ вмѣстѣ съ братомъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ. Онъ долго прожилъ въ Вильнѣ, гдѣ со страстью занимался рисованіемъ и дѣльными работами, пройдя видимо хорошую школу. Когда Цезикъ вернулся въ деревню, то вмѣстѣ съ братомъ Феликсомъ, оставившимъ военную службу, занялся хозяйствомъ, а искусство совершенно забросилъ. Дѣла по хозяйству шли плохо. Игнатій оставилъ на мысли приспособить свои знания и искусство къ приготовленію фальшивыхъ кредитокъ. Распространялъ въ народѣ кредитки старшій братъ Феликсъ. Поддѣлка была настолько хороша, что кредитки принимались безпретственно, но какая то случайность выдала фабрикантовъ. Братья попали въ тюрьму въ Вобруйскѣ. Они и тутъ не теряли времени даромъ: по обычаю многихъ заключенныхъ, они принялись дѣлать фигурки изъ тѣста и хлѣба, и уже тогда на издѣліяхъ Игнатія Цезика лежала печать даровитости, обратившая на эти издѣлія вниманіе надзирателей. Игнатію облегчили окопы, доставляли глину, и вотъ по Вобруйску начали расходиться изящные глиняные сосуды, бокалы и кубки, выгодно отличавшіеся отъ прочихъ арестантскихъ издѣлій.

Заключеніе въ вобруйской тюрьмѣ закончилось для братьевъ тѣмъ, что имѣніе ихъ было конфисковано за нанесенный казгѣ ущербъ, а сами они лишены дворянства и осуждены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ различили: мѣня искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, а Игнатій, благодаря своему таланту, обратилъ на себя вниманіе начальства и остался въ Тобольской тюрьмѣ.

Пишущій эти строки можетъ говорить о Тобольскомъ періодѣ ссылки Цезика на основаніи свидѣній, собранныхъ на мѣстѣ, путемъ распросовъ и переписки. Въ Тобольскѣ пришелъ Цезикъ въ концѣ 1828 или въ началѣ 1829 года. Онъ привелъ съ собой воспитанницу Акулину, дѣвочку лѣтъ 10, на которой впоследствии женился. Пребываніе Цезика въ тюрьмѣ было недолговременно: дѣльные работы быстро его прославили; часто за большія деньги прибѣгали къ нему издѣлія чрезъ посредство тюремныхъ надзирателей и отсылались въ видѣ подарковъ въ Москву и Петербургъ, вездѣ вызывая всеобщее удивленіе и восторгъ. Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, а тюремная мелкая сошка зарабатывала на посредничествѣ между мастеромъ и заказчикомъ, такъ какъ заказы слѣдовали одинъ за другимъ, на перебой. Когда воспитанница подросла, Цезикъ женился на ней и въ подгородной деревнѣ *Завальной* устроилъ себѣ уютный домикъ съ садомъ. Жена горячо любила его и подарила ему двоихъ сыновей. Все, казалось, сложилось для Цезика благоприятно. Когда повстанцы 30-го года появились

въ Тобольскѣ и среди нихъ нашелся одинъ—магистръ Петръ Мошнинскій,—назначившій Цезику пожизненную пенсію въ 300 р. ежегодно. У Цезика были теперь и пріятель и другъ; можно бы на этомъ покончить и зажить мирно,

линисто, до того она была хороша. Фабрикаціи кредитокъ въ деревнѣ *Завальной* тянулись довольно долго—лѣтъ 15; помощникомъ по сбыту кредитокъ былъ у Цезика нѣкто Ершовъ, который вѣлъ свое коммиссіонное дѣло очень искусно. Но нашелся нѣкто еврей *Бриллиантъ* и сдѣлалъ на обоихъ доносъ. Фабрику кредитокъ накрыли, снова посадили Цезика въ тюрьму, снова судили и сослали (теперь на самомъ дѣлѣ) на каторгу въ Нерчинскіе заводы, въ Акатуйскій рудникъ. Брата своего Цезикъ уже не засталъ: Феликсъ умеръ раньше въ Олочахъ, на Аргуні. И здѣсь, въ Акатуй, куда за нимъ послѣдовала семья, Цезикъ скоро началъ пользоваться льготами: по онъ оказался неспособнымъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вновь принимался за фабрикацію кредитокъ. *Послѣ кратковременныхъ лѣтъ его снова ставили на работы, прикомандовали къ таможнѣ и и. д.* Уволенный отъ работъ за преклоннымъ возрастомъ, Цезикъ поселился въ Верхнеудинскѣ, а въ 1857 году перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и умеръ.

Всего больше работано Цезикомъ различныхъ бездѣлушекъ, *ibelots*, декоративнаго характера: вазы, бокаловъ, урнъ, сахарницъ, пасхальныхъ яицъ, сигарочницъ и трубокъ. Всѣ эти издѣлія его неистощимаго фантазія украшала, смотря по величинѣ, то мельчайшими ландшафтами, то гротесками (маски) и гирляндами, то фигурами и сценами изъ классической мифологии (напр. воспитаніе Бахуса), или же мелкими жуками и мушками, рачками (морями) и бабочками. Хорошее понятіе объ умѣнн Цезика примѣняютъ античный орнаментъ даетъ первая ваза изъ моего собранія въ римскомъ стилѣ; другая знакомитъ отчасти съ тѣмъ, какіе сюжеты выбиралъ онъ для орнаментальныхъ цѣлей. На обратной къ зрителю сторонѣ справа виднѣтся группа ребятишекъ, предающихся различнымъ играмъ; прямо предъ зрителемъ влудій на лѣвѣ амуръ изображаетъ возрастъ любви. Далѣе видны изображенія различныхъ занятій, свойственныхъ зрѣлому возрасту: рыбная ловля съ лодки, пашия, тяжело нагруженные возы. На оборотѣ вазы кончается этой эпохи человѣческой жизни, а далѣе финалъ земного существованія подъ видомъ опирающагося на палку старика, бредущаго по направленію къ кладбищу.

На кружкахъ Цезикъ часто изображалъ охотничьи сцены, которая ему прекрасно удавались. Грубо эротическихъ сюжетовъ у Цезика нѣтъ. У меня есть фрагментъ барельефа, изображающаго заигрываніе Амура съ Венерой, выполненное вполне благоприятно. По отзыву старожиловъ, Цезикъ старательно избѣгалъ фривольныхъ сюжетовъ.

Перехожу теперь къ техникѣ. Цезикъ работалъ свои издѣлія изъ хлѣбнаго мякина, изъ воску, но всего больше изъ глины. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выдѣлывалъ ландшафты и фигуры тѣмъ приходилось: иголкой, рыбьей косточкой, осколкомъ стекла или тарелки, съ одинаковымъ искусствомъ и ловкостью, какъ и на свободѣ, когда подъ его руками были всевозможные инструменты. Для наиболѣе употребительныхъ орнаментовъ, фигуръ и гротесковъ онъ примѣнялъ свинцовый штампъ, которымъ оттикнувалъ изображенія на поверхности сосуда. Бордюры тискали онъ также штампомъ, прицарапывая потомъ ихъ рѣзьмомъ, но иногда работалъ (особенно въ тюрьмѣ) одной иголкой и гладилкой. Курьезны подчасъ его бордюры, исполненные въ тюрьмѣ деревяннымъ штампомъ. Все поле, везающее изображеніемъ, онъ обыкновенно покрывалъ матомъ, дѣлая съ помощью иголки сплошной пунктирный наколъ, и нужно сказать, что Цезику удавалось это наилучшимъ образомъ. Бордюры и плоскій орнаментъ чаще полировались и даже покрывались лакомъ.

Цезикъ работалъ изъ глины, окрашиваемой имъ преимущественно въ черный цвѣтъ, но барельефы преимущественно исполнялъ изъ бѣлой глины. Въ тобольскомъ музее есть его работы фигура надгробнаго памятника изъ глины, превосходно поддѣланной подъ яшму. Изучивъ разныя обломки, я готовъ утверждать, что Цезикъ употреблялъ хорошо перемятую, даже отмоченную глину, примѣнялъ на свободѣ гон-

въ кругу семьи. Но... лукавый попуталъ Цезика и онъ снова принялся за фабрикацію асигнацій, сначала съ опаской и умѣренно, а потомъ нисколько не стѣсняясь. Въ Тобольскѣ разсказываютъ что первой асигнаціей, изготовленной имъ, Цезикъ задобрилъ полицейскаго чина, который и не подумалъ усомниться въ ея под-

чарный станок, но не обжигал своих издѣлий. Въ тюрьмѣ объ этомъ нечего было и думать, а на свободѣ онъ не обжигалъ, вѣроятно потому, что глина не сохранила бы приданной ей окраски; быть можетъ также, онъ дѣлалъ изъ глины какую-либо примѣсь, мѣшавшую обжог. Но вѣрнее всего — большинство издѣлий не обжигались отъ излишней спѣшности при массѣ заказовъ.

Игнатию Цезику было подь сорокъ, когда онъ попалъ въ Тобольскую тюрьму, въ которой пробылъ около двухъ лѣтъ. Очевидно описываютъ его художникомъ человѣкомъ высокаго роста, съ красивымъ лицомъ и выразительными глазами, характера онъ былъ необычайно доброго, съ душой отъзывчивой и готовъ былъ помочь всякому бѣдняку. Въ Иркутскѣ многие знали Цезика преклоннымъ старикомъ, съ блѣднымъ морщинистымъ лицомъ и совершенно сѣдыми волосами и бородами. Теперь семья работала втроемъ, но дряхлый Цезикъ уже какъ бы пережилъ свою славу; издѣлія его не носили теперь печати былого изыщества, не поразали прелестью артистической отдѣлки. Старикъ самъ работалъ очень мало; онъ давалъ только указанія, а весь трудъ выпадалъ на долю жены и сына (другой умеръ въ Акатуйѣ). Хотя эти издѣлія также носили имя Цезика и

дочь сенатора, обреченнаго на голодную смерть въ темницѣ, которая, раздѣляя съ нимъ заточение, кормитъ умирающаго отъ голода отца собственной грудью.

Хороши также барельефы символическаго характера. Таковъ барельефъ, изображающій гения, который пускаетъ мыльные пузыри, а дѣлать сонитъ прославенную исторію великихъ людей лопатъ ихъ. Всемогущій Хроностъ (Время), съ песочными часами въ одной и косою въ другой рукѣ, саркастически созерцаетъ издалека эту картину и какъ бы смѣется надъ тѣмъ, что земная слава есть ничто иное, какъ именно эти мыльные пузыри. Или вотъ еще барельефъ, символизирующій материнскую любовь: птица пеликанъ, стоя надъ наполненнымъ птенцами гнѣздомъ, ударами клюва въ собственную грудь добываетъ изъ сердца кровь и кормитъ своихъ дѣтей.

Надъ всеми мотивами преобладаетъ однако у Цезика тюрьма, въ которой онъ преимущественно изображаетъ самого себя. Вотъ онъ сидитъ въ одиночной камерѣ, закованный въ кандалы; отягченная глубокой думой голова его оперлась на руку и обращена лицомъ къ столѣю на столѣхъ распятіи. Подъ столѣю играютъ мыши; утеснившись полной тишиной, они уже готовы взобраться на самыя ноги Цезика. А вотъ еще барельефъ на тему изъ пребыванія

крукки работы Цезика теперь рѣдкость; особенно трудно встрѣтить парные вазы, болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ.

Скажемъ въ заключеніе, что полная прелесть артистическія издѣлія талантливаго ваятеля заслуживаютъ вниманія знатоковъ. Давно бы пора собрать фотографіи со всѣхъ уцѣлѣвшихъ его твореній, особенно барельефовъ, и издать ихъ. Окидывая взглядомъ даже мое небольшое собраніе произведеній Цезика, заключающее семь вазъ, не считая бездлушекъ, я склоненъ невольно сказать: «да, это былъ действительно настоящій художникъ!»

С. Н. Кузнецовъ.

Изъ міра отверженныхъ.

Къ рисунку „по носамъ“.

Въ поддѣлственной камерѣ — тишина и скука... Послѣ обѣда, который по своему качеству и количеству все таки не располагалъ ко сну, заключенные тѣсно старались придумать, какъ бы провести досугъ время.

На работу не гоняютъ, спать не хочется, а такъ сидѣть скучно.

Налаживали было пѣсно, да дѣло сегодня какъ то все не клеилось: заглохло было не въ духѣ и послѣ двухъ, трехъ поштокъ — пѣсно забрѣсело.

Тѣ, кто имѣлъ табакъ, ожесточенно курятъ, стараюсь хотя этимъ убить какъ нибудь время, — другіе принялись разгуливать по камерѣ, изъ стѣны въ стѣну, „малычъ“ какъ въ другое время смѣялись арестантами... Скука...

„А что старички! не сыграютъ ли намъ въ карты по носамъ?“ раздается голосъ... „Вѣрно! давай, братны по носамъ“, — поддерживаетъ другой... Деньги все едино ни у кого нѣтъ, такъ хотя по носамъ сыграемъ, все веселѣе будетъ“.

Предложеніе принимается вскорѣ на паряхъ, растилается халатъ, появляются засаленная карты — „святцы“, какъ ихъ зовутъ арестанты и игра начинается.

Играютъ съ увлеченіемъ: то и дѣло, при громкомъ хохотѣ обступившей публики, раздаются рѣзкіе удары картами по носамъ проигравшихся. Ставки идутъ довольно крупная и скоро у нѣкоторыхъ игроковъ носы становятся красными и припухшими, какъ отъ мороза... но не бѣда — заживетъ, лишь бы провести время, которое такъ скучно и медленно тянется въ тюрьмѣ.

Хотя эта издѣлія также носили имя Цезика и ихъ всего чаще можно встрѣтить въ Забайкальѣ, но они далеки отъ твореній Цезика. Даровитый мастеръ умеръ около 1860 года, восьмидесяти лѣтнимъ старцемъ. Жена, похоронивъ мужа, вернулась на родину, но съ сыномъ или одна, мы не могли узнать. Она вывезла съ собой тѣ произведенія мужа, которыя покойникъ наиболѣе цѣнилъ, но недостатокъ средствъ вынуждалъ ее продавать нѣкоторыя изъ нихъ по дорогѣ. Лучшее произведеніе приобрѣлъ компатріотъ Цезика — Поклевскій-Козель, у котораго оно сейчасъ находится.

Это плоская рельефная картина, изображающая Акатуйскій рудникъ. Въ долинѣ — знаменитая тюрьма, вдали — горное селеніе, пристроившіеся къ руднику; солнце уже готово спуститься за гору, надъ которой несется облака. На переднемъ планѣ видна штольня и около нея нѣсколько каторжныхъ, везущихъ въ тачкахъ серебриную руду. Впереди всѣхъ сидитъ самъ Цезикъ, прикованный по рукамъ и ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудой. Оригинально изобразилъ себя Цезикъ: одежда на немъ изорванная, заплатанная, на плечѣ огромная дыра, одно колѣно протерто; сквозь дыры на курткѣ просвѣчиваютъ помочи, поддерживающія кандалы. Каторжный Цезикъ отдыхаетъ, склонивъ голову на ладонь правой руки, опершейся на колѣно; лѣвая рука, вооруженная молотомъ, безсильно повисла внизъ. На усталомъ лицѣ печать тяжелой думы; видимо усилено работаетъ мыслъ въ головѣ усталого каторжника. Экспрессія въ этой композиціи поразительная, да это и не удивительно, потому что Цезикъ любилъ часто повторять эту тему.

Прежде чѣмъ говорить о технической сторонѣ произведеній Цезика, перечислимъ выдающіеся его произведенія, которыхъ намъ привелось очень много видѣть и достаточно приобрести.

Цезикъ былъ неистощимо изобрѣтателенъ и талантъ его не зналъ невыполнимаго. Онъ одинаково искусно лѣпилъ явленіе Христа народу съ картины Иванова, или изображение Спасителя, благословляющаго дѣтей, или образъ св. великомуцъ. Варвары (барельефы); хороши его статуетки, изображающія напр. Аристотеля, стоящаго подъ деревомъ съ кипарисомъ, или его благодѣтеля Мошинскаго, или графа Муравьева-Амурскаго. Подъ вліяніемъ классическаго воспитанія, полученнаго въ Вильнѣ, Цезикъ любилъ античные мотивы и умѣло примѣнялъ античный орнаментъ, по мотивамъ этихъ онъ придавалъ своеобразную окраску, навѣянную безконечнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ. Таковы, напримѣръ, барельефы, изображающіи ридлянку,

въ тобольской тюрьмѣ: Цезикъ, опершись о подоконникъ, пристально смотритъ сквозь рѣшетку тюремнаго окна, къ которому въ эту минуту приближается мизанвидная, но съ страдальческиимъ лицомъ женщина, держа на рукахъ ребенка, въ то время, какъ другой малытокъ идетъ, ухватившись за ея юбку. Это вѣрная жена идетъ взглянуть черезъ рѣшетку на мужа. Вообще жена часто фигурируетъ въ барельефахъ Цезика. Припоминается барельефъ, приобретенный покойнымъ В. М. Флоринскимъ. Изображена комната въ домикѣ, выстроенномъ Цезикомъ въ деревнѣ Завальной: въ глубинѣ комнаты неубранная кровать; на которой сидитъ лицомъ къ зрителю печальная Акулина и бюкаетъ расплакавашаго ребенка; она, какъ видно, только что выла его на руки изъ люльки, подвѣшенной къ потолку на длинномъ шестѣ (очень). У стѣны на лавкѣ видна прядка съ куделью; сѣбѣ какъ ребенку, мать не успѣла свить нитку на веретено и эта нитка тянется къ лежащему подъ лавкой веретену. Въ углу направо — образокъ, а на единственномъ окошкѣ въ шесть стеколъ стоитъ банка съ удивительно тонко исполненной геранью; по направленію къ верхушкѣ герани спускается изъ своего гнѣзда въ правую углу окошка паукъ. Всѣ детали выполнены замѣчательно реально и въ то же время художественно, съ чисто фламандскимъ терпѣніемъ и отчетливостью.

Всѣ секреты производства умерли вмѣстѣ съ даровитымъ мастеромъ. Погибло и большинство его хрупкихъ издѣлій, требующихъ крайне осторожнаго обращенія. Цѣльные вазы, кубки и

Научныя новости.

Новое открытіе.

Въ академіи наукъ въ Парижѣ профессоръ университета въ Навес Шарпантье и Блондо сдѣлали весьма важное сообщеніе о томъ, что человеческое тѣло испускаетъ особые лучи, похожіе на тѣ, которые посылаетъ въ окружающее пространство галій.

Эти лучи проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла и дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Когда мышечная и нервная системы организма проявляютъ усиленную дѣятельность, свѣтъ, исходящій отъ тѣла, усиливается. Открытіе это имѣетъ конечно, чрезвычайнаго важное значеніе. Упомянутыя ученые доказали, что мертвое тѣло не испускаетъ этихъ лучей и такимъ образомъ найдены новый способъ опредѣлять моменты смерти. Къ сожалѣнію, еще въ настоящее время нельзя сказать, дѣйствительно ли фактъ, констатирующій Блондо, имѣетъ вѣсто. Дѣйствіе на фотографическую пластинку можетъ обуславливаться различными химическими и тепловыми реакціями, и трудно въ каждомъ данномъ случаѣ съ достовѣрностью доказать, что фотографическая пластинка измѣнилась исключительно подъ вліяніемъ свѣта. Во всякомъ случаѣ, если только подтвердится новооткрытый фактъ, въ человеческомъ организмѣ скажется богатый источникъ энергіи, еще до сихъ поръ совершенно неиспользуемый. (Курьеръ.)

Редакторъ-Издатель П. Макушина.

Продажа въ разсрочку и прокатъ Роялей и Пianos.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.